

Яков ДИТЦ

САРЕПТА

Колония Сарепта более 100 лет представляла совершенно исключительное явление на тусклом горизонте нашего Поволжья. Ее подробно описывали, и мнения самые разноречивые: одни ею восторгались, находили в ней место отдыха, даже излечения; другие завидовали ей, третьи ругали за ее оторванность от России.

Сарепта, в противоположность Богом и людьми забытым поволжским немецким колониям, о своем 150-летнем существовании располагает массой литературного материала, основанного на личных наблюдениях и впечатлениях в различные периоды времени людей разных убеждений и положений. Мало того, Сарепта уже имеет своего историка в лице школьного инспектора и помощника проповедника сарептской общины Александра Глича, который шаг за шагом, в хронологическом порядке, изложил историю столетнего существования своей общины. Труд Глича по составлению истории Сарепты значительно упрощался в сравнении с составлением истории других поволжских колоний, так как образованная и культурная Сарепта имеет архив, в котором сохранены все официальные дела и документы с самого момента заселения и до настоящего времени; даже проходивший Сарепту Пугачев не уничтожил ни одной бумажки сарептских дел, так как последние были частью замурованы в печах и зарыты в землю. Поэтому, казалось бы, включать в свой труд очерк Сарепты является излишним, тем более что мы в своем труде не раз останавливались на Сарепте, внося попутно сведения о ней.

Однако такой взгляд едва ли правилен. Написавший историю Сарепты Глич довел ее только до 1864 года, а между тем дальнейшая пятидесятилетняя судьба Сарепты, приведшая к упразднению религиозной братской общины и поставившая ее из привилегированного положения в одинаковые условия управления с русскими и остальными немецкими селениями, представляет несомненный интерес с социальной и политической стороны. К тому же Глич, член общины и участник развития Сарепты на протяжении значительного периода ее истории, невольно субъективен и склонен оправдать пройденный под его непосредственным руководством исторический путь. А различия во мнениях о Сарепте в нашей литературе доказывают, что мнения эти составлялись на основании поверхностных, попутно схваченных впечатлений. Все это вынуждает нас проанализировать историческое развитие интересного культурного уголка, возникшего в соседстве с дикими кочевыми народами — калмыками и киргиз-кайсаками, и дать небольшой очерк его, как иностранного поселения, появившегося одновременно с другими немецкими колониями, хотя и поселенного на иных с ними основаниях.

Сарепта основана членами гернгутской религиозно-экономической ассоциации, составляющей один из видов протестантства. Родоначальниками этой общины являются табориты, последователи Гуса. Изгнанные из Чехии и Моравии, они в 1456 году перешли в Польшу, в Литицкое герцогство, а в 1467 году

переняли от вальденсов епископское посвящение и образовали евангелическое братство, назвав себя богемскими братьями. Несчастная для протестантов Тридцатилетняя война привела почти к полному истреблению богемских братьев, и оставшиеся в живых вынуждены были скрываться.

Между тем в начале XVIII столетия идея богемских братьев начала развиваться в Германии. Два последователя ее — Яков Шпеннер и Август Франк образовали ряд мелких общин, имевших целью устроить жизнь во Христе и путем тесного единения сохранить свою веру в чистоте апостольского учения. Братья вскоре нашли сильного покровителя в лице Николая Людвиг Цинцендорфа, сына саксонского министра. Летопись гернгутской общины повествует, что граф Цинцендорф еще юношей, стоя в дюссельдорфской картинной галерее перед картиной Спасителя в терновом венце, прочитал надпись под ней: «Сие делаю я ради тебя; что же ты сделаешь для меня?». Эти слова так подействовали на графа, что он дал обет всю жизнь свою посвятить служению Христу. В 1727 году граф купил в Верхней Лузании имение Бертельсдорф и в нем при горе Гут (шляпа, покров) заложил братское общежитие, в которое стали стекаться остатки богемских братьев. При посвящении общежития проповедник Гейн, между прочим, сказал: «Да поможет Бог, чтобы у горы, называемой покровом, был воздвигнут город, который находился бы под Господним покровительством». Этот призыв к Господнему покровительству и подал братьям мысль назвать свое поселение Гернгут, а общину — гернгутской братской общиной.

Постепенно в Гернгут стали стекаться помимо богемских братьев и последователи других преследуемых сект, и граф им всем равно покровительствовал, так как сам не принадлежал к какой-либо определенной секте и к покровительству преследуемых был движим лишь служением Христу. Терпимость графа не могла не отразиться на братской общине людей различных толков по делам веры, и в общине установилось правило не касаться тех частных вопросов, по которым расходились мнения солидарных в общих целях общинников, так как эти частные вопросы, среди которых имел немаловажное значение вопрос о коммунальном принципе собственности богемских братьев, не разделявшемся немцами, привел бы братство к расколу. Пока был жив Цинцендорф, община молча подчинялась постепенно установившимся порядкам, которые поддерживались авторитетом графа; но после смерти его братство решило регламентировать свои взаимные друг с другом отношения особо выработанными статусами, которым они обязуются подчиняться, и 12 мая 1727 года все члены общины дали в том торжественный обет.

По этим статусам, братство не считает себя религиозной сектой, а признает себя частью протестантской церкви и ставит себе целью «осуществить истинно благочестивую жизнь по учению Спасителя и его апостолов». В общину допускаются последователи трех толков: моравского, лютеранского и реформатского, причем дети следуют своим родителям, ибо «сущность

христианства заключается не в тех или других церковных и догматических определениях».

Что касается внутреннего устройства общины, то оно получило компромиссное разрешение. И община, и отдельные члены ее имеют свою собственность и оказывают друг другу взаимную помощь, состоя между собою в круговой поруке, так что члены братства вместе отвечают за общину и община за каждого своего члена в отдельности или за образываемые корпорации своих членов. На таких основаниях население Гернгута, а затем и Сарепты разделяется по полам, возрастам и другим условиям на отдельные корпорации: детскую, мальчиков, девочек, холостых братьев, незамужних сестер, вдовцов и вдов. Каждая корпорация получает от общины свое общежительное помещение; каждая корпорация имеет своего блюстителя или блюстительницу, которые обязаны наблюдать за нравами, порядком и дисциплиной в корпорации. На блюстителе лежит обязанность готовить членов своей корпорации к причастию, в котором все участвуют через четыре воскресенья: с каждым в отдельности он беседует о душевном его состоянии, как на исповеди. Только семейные братья проживают в частных домах и называются приватными, подчиняясь надзору главных общинных начальников, составляющих высшее общинное управление, членами коего состоят: общинный попечитель или старшина общества, проповедник, общинный старшина и корпорационные блюстители. При управлении состоит коллегия надзирателей, к ведению коих отнесены надзор за продовольственной частью, и наружная полиция, а также суд по мелочным ссорам между обывателями. В церковном отношении община признает епископов, пресвитеров или проповедников, их помощников и дьяконов.

Центральная власть над всеми общинами, раскинутыми по разным государствам, принадлежит дирекции в Бертельсдорфе, состоящей из 3 департаментов: попечительства и воспитания, финансов и инспекции и миссионерства; во главе каждого департамента стоит епископ, а председателем дирекции является президент-епископ. Для разрешения общих вопросов всех общин съезжаются в Бертельсдорфе депутаты общин на синодальное собрание, исполнительным органом которого и является дирекция, члены которой избираются собранием.

В Сарепте, как и в других общинах, ежедневно в 7 часов вечера в молитвенном доме совершаются назидания, заключающиеся в объяснении текстов Святого Писания, чтении деяний отцов церкви, миссионерских отчетов, в пении гимнов. По воскресным дням служат литургию и произносится проповедь. Ежемесячно совершается Святое Таинство причастия, которому предшествует, по примеру агапов древнеапостольской церкви, трапеза любви, причем с молебствием и пением, разносят чай и печенье. О смерти члена общины оповещается с колокольной трубами, исполняющими гимн, особый для каждой корпорации; под звуки же труб переносятся на кладбище и тела усопших. Утром, на заре, на Пасху, вся община с пением отправляется на кладбище, представляющее парк с разбитыми аллеями и клумбами цветов, и, выражая свою

радость и веру в воскресение Спасителя, молит о принятии в лоно свое усопших членов братства.

Главной деятельностью братства является миссионерство среди язычников, и притом в таких местах, где нет миссий других исповеданий. В 1750 году братство содержало 286 миссионеров в 70 различных пунктах земного шара: среди негров западной Индии, на островах Св. Фомы, Св. Креста, Св. Иоанна, на Ямайке; среди диких племен Канады, Георгии, Гвианы, Гренландии и Лабрадора; среди кафров и готентотов мыса Доброй Надежды и т. д. При означенных миссиях состояло новообращенных язычников 68 000 человек, тогда как само братство, во всех общинах, составляло лишь 18 000 человек.

Сношения сначала богемского, а потом и гернгутского братства с Россией установились еще в 1474 году. Так, Амос Коменский в своей истории братства повествует, что в 1474 году братство выслало четырех депутатов, «чтобы познакомиться с положением христианства и узнать, не существует ли где церкви, свободной от заблуждений и устроенной по правилам Христа, с которой братство могло бы соединиться». Один из этих четырех депутатов — Маврикий Гоконец поехал в Москву и другие славянские страны, но истинной церкви не нашел.

Спустя 100 лет в Москву явился другой представитель богемского братства из Польши, сопровождавший в качестве проповедника посольство короля Сигизмунда к Иоанну Грозному, а именно — Иван Рокита, убеждавший царя и собравшееся духовенство разрешить ему распространять свет истины в своем народе, объяснив им основные догматы веры братства; но просьба Рокиты не была уважена.

Кроме того, между богемскими братьями сохранилось предание, что еще в 1481 году часть изгнанных из Богемии братьев направилась на Кавказ: некоторые из них затем вернулись обратно, другие же ушли далее, в глубь Азии. Основательность этого предания подтверждалась пастором московского лютеранского общества Бальтазаром Франком, который, будучи в 1709 году на Кавказе, слышал, что бежавшие в конце XV века богемские братья действительно основали на Кавказе три больших поселения. Слухи эти побудили в 1774 году сарептян снарядить на Кавказ экспедицию для отыскания пропавших братьев, но следы их затерялись.

Этим исчерпываются известия о сношениях богемских братьев. Только с учреждением нового гернгутского братства сношения его с Россией возобновляются в целях приведения в христианство населяющих Россию язычников. В 1734 году братство отправило миссионеров Гроссмана, Шнейдера и Ничмана в Москву для дальнейшего следования в Архангельск к лапландцам и самоедам. В Москве сочли братьев за шведских шпионов и заключили в тюрьму. Узнавший об этом граф Остерман освободил братьев и отпустил на родину. Попытка братьев снарядить миссию к калмыкам в 1742 году также не увенчалась успехом. Прибывший в 1743 году в Россию брат Градин, с поручением от Цинцендорфа изложить Синоду вероучение братьев и просить его заключения, также попал в тюрьму и, просидев в ней 4 года, вернулся домой.

Между тем в конце 1750-х годов граф Иван Чернышев приглашал гернгутских братьев в свое подмосковное имение Гиерополис, чтобы устроить колонию. Но синодальное собрание братства отвергло это предложение, так как «не в обычае братьев водворяться в каком-либо государстве без ведома или даже вопреки воле правительства». С изданием Екатериной II в 1762 году манифеста о вызове в Россию колонистов, граф Чернышев возобновил свое приглашение. Но и на этот раз братство отвергло его, ссылаясь на то, что в своих колонизационных предприятиях братство руководствуется миссионерскими целями. Поэтому когда Екатерина II предложила братьям селиться в России, они приняли призыв ее и отправили в октябре 1763 г. в Петербург двух депутатов — Павла Лаурица и Иоганнеса Лорица для переговоров о колонизации. Депутаты представили императрице на аудиенции подробный отчет о положении братской общины, ее установлениях и целях. Отчет этот вместе с уставом братства были переданы в особую комиссию, состоявшую из графа Орлова и новгородского митрополита Димитрия, для дачи заключения о догматических верованиях братства. Заключение, благоприятное для братства, было представлено в Св. Синод для разрешения вопроса, можно ли допустить братьев к поселению в Россию. Св. Синод, рассмотрев 22 декабря 1763 года заключение комиссии, нашел: «Синодальные члены: новгородский митрополит Димитрий и архиепископ петербургский Гавриил — имели довольные разговоры с гернгутскими братьями: архидьяконом Павлом Лаурецом и ассессором Иваном Лорицом и рассматривали письменные о состоянии их секты на латинском языке известия, и из оных примечено, что учение их сходствует с лютеранским, а паче с реформатским учением. А что касается до обрядов и честного христианского обращения, то уподобляют они себя первенствующим христианам и называются общебратским евангелическим. Того ради означенным иноземцам выезд на поселение в Россию позволить можно, точно при том крепкое учинить им должно подтверждение, чтоб они, в свою в России бытность, никого из русских подданных, ни под каким видом в силу указов своей секты учить и в оную совращать отнюдь не могли» (Русская Старина. 1878. Т. 21. С. 712).

Это заключение Св. Синода, благоприятное для братства в смысле разрешения им селиться в России, разбивало, однако, миссионерские планы его при переселении в Россию, прямо предоставленные переселенцам по 6 параграфу манифеста 1763 года: запрещается склонять в свою веру живущих в России в христианских законах, «изъемя из сего разного звания находящихся в магометанском законе, прилежащих к границам Нашей Империи народов». Уполномоченные братства, ссылаясь на свою инструкцию, заявили, что главная цель в предполагаемой колонизации — миссионерская деятельность среди калмыков, кавказских горцев и среднеазиатских народов, ввиду чего братство и предполагает поселиться около калмыков в Астраханской провинции. Поэтому поселение братства в России состояться не может, даже при предложенных им политических и гражданских льготах и привилегиях. Однако братьев уверили, что им нечего опасаться препятствий в обращении язычников, предусмотренном

манифестом, и что в договор с братством не будет включено ни дозволения, ни прямого воспрещения миссионерской деятельности.

Синодальное собрание братства, выслушав доклад вернувшихся из России уполномоченных, одобрило представление дирекции об учреждении между Астраханью и Царицыном миссионерского поста, центрального для язычников того края, и уполномочило для заключения с русским правительством окончательного договора брата-магистра Петра Конрада Фриза, снабдив его инструкцией, а гражданским и духовным старшиной нового поселения определило брата-пресвитера Даниеля Генриха Фика.

Агент Фриз оказался человеком умным и рассудительным. Не довольствуясь общими гарантиями вольностей вызывного манифеста 1763 г., он воспользовался 10 параграфом этого манифеста, по которому «ежели некоторые из чужестранцев еще других, кроме предписанных, кондиций и привилегий востребуют, могут адресоваться письменно или персонально в Канцелярию опекунства иностранных». Фриз и подал прошение и по пунктам изложил те условия и гарантии, обеспечение которых он считал необходимым для водворения в России братства; явившись лично в Канцелярию, он развивал указанные им пункты словесными «изъяснениями», просил Канцелярию дать по ним свое заключение и представить их на высочайшее утверждение. Переговоры эти целиком вошли в «Правила для поселения в России братства евангелического общества», утвержденные 7 июня 1765 г. государыней (Поли. собр. законов. № 12411), и так интересны по сути дела, что мы передаем их в несколько сокращенном виде так, как они изложены в Полном собрании законов.

Пункты прошения и изъяснения к ним агента Фриза:

1) Все поселяне колонии пользуются правами и преимуществами наравне с другими свободными владельцами в России, состоя в постоянном покровительстве верховной власти.

Изъяснение. Земля братства делится только между членами общины с тем, что земля выбывших из колонии отдается другим членам, но не посторонним.

2) Братству дозволяется по своему усмотрению: а) строить на отведенной ему земле города, села и деревни, с устройством в них церквей с колокольнями, колоколами, общественных училищ и домов, для

Заключения по ним Канцелярии опекунства иностранных:

1) Отводимая братьям для поселения земля, на которую им будет учинена дача, отводится в совершенную собственность с тем лишь ограничением, чтоб никому постороннему, к общине не принадлежащему, ни малейшей части из той данной им земли не продавать и ни под каким видом не уступать.

2) Все просимое дозволяется на следующих условиях: а) о построении города, села или деревни и их названиях братство и уведомляет Канцелярию опекунства иностранных, прилагая планы с подробным

жительства в них, по их уставам, детей и взрослых, отдельно по полам, до вступления их в брак; б) прокладывать через соседние с их землей незаселенные дороги для проезда в соседние поселения и к близ текущим рекам;

Изъяснение. Не зная, будут ли в состоянии строить города, и не обещая этого, они просят разрешить им это теперь же, равно производить и мещанские промыслы с уплатою налагаемых за это податей, ныне точно установленных, так как ни на что неопределенное они идти не решаются.

3) Каждому городу, селу и деревне предоставляется право учредить свою полицию и управление из избранных ими людей, которым надлежит содержать порядок и чинить суд и расправу по установленным правительством законам, под единственным надзором тамошнего губернатора без всякого участия военных и гражданских чинов.

Изъяснение. Право наследования определяется у них по завещаниям, а при отсутствии его имущество умершего переходит к детям и родственникам, где бы они ни находились; при отсутствии же родственников оно поступает в общину.

4) Каждое поселение имеет право: а) торговать, производить ремесла и художества, заводить фабрики и мануфактуры и отправлять торг по своему усмотрению; б) варить пиво, курить вино для собственного употребления; в) строить в своих землях мельницы, пользоваться реками и

описанием расположения как самого селения, так и принадлежащего к нему надела; б) с распоряжений училищных и других домов, в коих взрослые до места брака в общежитии содержатся, прислать по построении их в Канцелярию опекунства иностранных сведения — списки; в) братству дается право прокладывать дороги через смежные с их дачами государственные, впусе лежащие земли, и о сохранении проложенных дорог Канцелярия сообщит указами в подлежащие места; через принадлежащие же частным владельцам земли дороги могут быть проложены лишь с согласия владельцев.

3) Братству разрешается устанавливать внутреннюю юрисдикцию с тем, чтобы в ней и об их праве наследственном, с описанием всех подробностей, заблаговременно было дано знать Канцелярии оп. ин., которая сообщит о том Астраханскому губернатору, как избранному их особому опекуну. Выморочные имения поступают в общину.

4) Пользоваться всеми гражданскими правами, торговать всякими дозволенными товарами и производить всякого рода ремесла, художества и промыслы, заводить фабрики и мануфактуры, строить мельницы, также курить вино и варить пиво для собственной нужды и для довольств-

родниками, протекающими через их земли, производить рыбные и звериные ловли и рубить лес.

Изъяснение. Курить вино и варить пиво они считают для себя необходимым, причем обязуются платить надлежащие подати за них и пользоваться ими только лично для себя и для могущих квартировать у них в по не устанавливая торговли ими ни в своих селениях, ни внутри России, платя в противном случае установленные за торг пошлины наравне с другими фабрикантами и ремесленниками.

5) Запрещается строить в их селениях какие-либо строения, не исключая харчевен, кабаков и соляных- амбаров, и позволять это только по их разрешению, принимая и увольняя, кого заблагорассудят, не давая в том никому отчета; всем поселянам, их наследникам и потомству иметь всегда право выезжать из России, когда пожелают, и брать с собой все свое имение, уплатив за него часть, указанную в п. 10.

6) Все члены братства имеют право беспрепятственно получать из губернии и коллегии ин. дел всегда, когда пожелают, для проезда внутрь государства и за границу паспорт.

Изъяснения. Ввиду дальнего расстояния их селений от Петербурга, они просят, чтобы требуемые старшинами и заграничные паспорта выдавались в губернии.

7) Все члены братства освобождаются навсегда с их потомством от воинской и гражданской служб, села и деревни их от воинского постоя, от рекрутской и подводной

вованья временно живущих в их колонии и посторонних людей и проезжающих, позволяется с тем, чтобы платить подати, указанные в п. 12, употребляя хлебное вино только в своих поселениях, не вывозя за пределы; виноградные же вина, вишневки и прочие напитки — изготовляемые без хлебного вина, могут брать с собой в дорогу для собственного употребления. Рыбными же ловлями в таких водах, которые не состоят на оброке, также и звериными, в их земле могут пользоваться без всякого платежа.

5) Кроме собственного согласия начальников колонии, никому на дачной их земле селиться и никакого строения строить позволено не будет и все прочее подтверждается точно по разумению и изъяснению агента Фриза.

6) Паспорта в Азию велено будет давать Астраханскому губернатору; а когда поедут через Петербург за границу в европейские страны, то давать будут паспорта беспрепятственно из иностранной коллегии; внутрь же государства паспорта будут давать начальники колоний.

7) Все просимое позволяется, община должна лишь дать квартиру нарочным Астраханского губернатора для какого-либо свидетельства или

повинности или иной какой поставки.

Изъяснение. От постоев братство освобождается всеми державами, в которых находятся братские общины, надеясь на это и в России.

8) Каждый поселянин общины пользуется свободой от налогов в течение 30 лет, не платя никаких податей в казну и не отправляя какую-либо службу. По прошествии же 30 лет единожды устанавливается подать для каждого достигшего 20-летнего возраста члена мужского пола, не требуя ничего отдельно от членов общины, лишь от начальников их, а они уже будут платить подати в свое время и где надлежит.

Изъяснение. Как бы обложение податями ни производилось: подушно, поземельно или по торгам и промыслам, на все это братство согласно; необходимо лишь установить это теперь же раз и навсегда.

9) На возведение построек и первоначальное обзаведение братство просит дать потребные материалы для построек и ссуду без процентов на 10 лет, с уплатой затем в течение 3 лет по равным частям.

Изъяснение. Под ссудой братья понимают деньги, потребные на покупку скота и инструментов, для заведения мануфактур и фабрик, не требуя ничего для производства торговли; материалы же желают получить натурой от Саратовской Конторы по заготовительной цене; о количестве потребных для построек материалов братство заблаговременно уведомит Канцелярию опекунов иностранных, а ссудные деньги просят выдать их старшине или кому в том

надзора.

8) Братство освобождается в течение 30 лет единственно от податей, а не от платежа акциза и пошлин.

9) На построения домов будут отпускаться не только потребные материалы, но и деньги на зарплату за работу по постройке. Прочая ссуда в зависимости от числа колонистов и заводимых фабрик, мануфактур и прочих рукоделий — по требованиям начальников колоний, взыскивая капитал через 10 лет в три года со дня выдачи; если же на выданные ссуды фабрики заведены не будут, то деньги должны быть возвращены ранее.

поверят.

10) При беспрепятственном выезде членов братства обратно за границу они платят в казну из нажитого имущества, прожив в России менее 5 лет, пятую часть, а свыше 5 лет — десятую часть; точно так же поступают и с наследством умершего в России бездетно.

Изъяснение. За привезенные при переселении беспошлинно товары должны быть уплачены пошлины, если выезжающий за границу прожил в России менее 10 лет.

11) Если братство будет содержать в Петербурге дом для одного из братьев в качестве агента для представительства братства в правительственных учреждениях и для приема выезжающих в Россию колонистов, а также для Божьей службы, то дому тому просят предоставить все преимущества, какие даны домам священнослужителей других протестантских церквей.

10) Дозволяется без изъятия с тем лишь напоминанием, что долги умершего должны быть уплачены и из наследства наследников, в чужих краях находящихся.

11) Содержать в Петербурге для агента братства особый дом, в котором также будут расквартировываться приезжающие на поселение в колонии люди, дозволяется и от постоя освободить дом можно, как и дома прочих священнослужителей протестантского закона.

К этим одиннадцати параграфам Канцелярия опекунства иностранных прибавила 12-й параграф о податях, пошлинах и акцизах.

Льготные годы, в течение которых братство не платит податей, исчисляются с 1 января 1767 г. впредь на 30 лет, по истечении которых братство платит подати, общие с гражданскими, и гражданские особо в следующем размере:

1) Подушных и поземельных: а) с каждой мужского пола души по 70 коп.; б) от оброчных податей братья, яко граждане, в рассуждении платимых ими по купечеству и фабрикам, освобождаются; в) за поставку рекрут по 17 коп. с десятины владеемой удобной земли; г) за право гражданское по 4 $\frac{2}{3}$ коп. с десятины; д) по истечении льготных лет, за увольнение от постоев, земских служб, ямщины, поставок и подмог по 25 коп. с десятины.

2) С фабрик взимать подать по 1 руб. с каждого стана, а где станов нет — по 1 коп. с оборотного рубля; с фабрик же, изготовляющих товары, каких доньше в России не было, подать не взимать, а товары продавать без платежа пошлин в течение 10 лет со дня начатия отпуска товаров.

3) С мельниц, кроме пильных, освобождаемых совсем от оброков, и с рыбных ловель платить по прошествии льготных лет ту подать, которая берется с мельниц и ловель с прочих подданных.

4) За выкуривание вина взимается: по 75 руб. за каждый устроенный для того куб в 6 ведер и по 170 руб. за казан в 12 ведер в год, независимо от количества выкуриваемого в них вина; за варение пива взимается, как и с остальных подданных, по 20 коп. с каждой четверти хлеба.

Вот тот кодекс прав и обязанностей, на основании которого евангелическое братство начало переселяться в Россию. Закон поставил братство, яко граждан, в привилегированное против других поволжских колонистов положение и дал им полное самоуправление, без всякого вмешательства со стороны правительственных чиновников, под покровительством избранного самими братьями попечителя — астраханского губернатора, который исполнял лишь то, что по закону имели право от него требовать братья. Канцелярия опекунства иностранных также не имела власти над поселением братства: не могла ни предписывать ему, ни отменять его распоряжений; она лишь регистрировала и принимала к сведению то, что учреждало и вводило братство самостоятельно, в пределах предоставленного ему законом права, и являлась посредником между братством и другими правительственными учреждениями.

В августе 1765 года в Саратов явилась первая партия колонистов под руководством брата Вестмана, которому было поручено дирекцией окончательно избрать место для поселения. Партия состояла из 9 взрослых мужчин, без женщин и детей. Из Саратова братья поплыли на двух судах в сопровождении землемеров и 10-ти солдат в Царицын, а оттуда вниз по Волге.

Безводный, безлесный и неплодородный край смутил пионеров. Братья надеялись встретить, как в свое время переселенцы в Америке, девственные леса, через которые нужно было прорубать себе дороги, но которые зато давали нужный строительный материал; они думали найти реку, которую можно бы утилизировать в целях ирригации и на которой надеялись поставить мельницу. Однако после долгих колебаний братья выбрали место при впадении в Волгу р. Сарпы, или Сарефы, против устья которой лежал громадный остров на Волге, с лесом и лугами пространством около 1000 десятин. На реке Сарпе, в небольшом расстоянии от Волги и в 28 верстах от Царицына, братья и решили основать свою колонию. Избранию именно данного места способствовало название реки «Сарапа», что напоминало братьям 1 книгу царей, главу 17 о том, как во время засухи Бог послал пророка Илию «через пустыню к Сидону в местечко Сарпат» исцелить сына вдовицы и уверить ее, что «мука в ее водоносе не оскудеет и чванец элей ее не умалится». Этот библейский текст братья впоследствии вложили в печать своего общества, в поле которой по одну сторону изображены сосуд и колосья, а по другую сторону — масличное дерево, под ветвями которого элейная кружка...

Однако по приезде в Царицын братьям было объявлено распоряжение астраханского губернатора, что место для поселения братьев назначено за Волгой,

на притоке ее Ахтубе, так как нагорная сторона Волги небезопасна из-за нападений черкесов. С этим изменением плана братья не согласились и, ссылаясь на данное им в Петербурге обещание предоставить им самим выбор места поселения, просили губернатора утвердить их выбор. 21 августа пришло наконец разрешение губернатора на основании колонии в избранном братьями месте.

23 августа 1765 г. братья вместе с землемерами отправились на Сарпу и приступили к возведению необходимого для зимы жилья. Уже через две недели землемеры отвели новому поселению надел, который вместе с отведенным в 1797 году Екатерининским источником состоит из 4443 дес. удобной и 11 378 дес. неудобной земли; в надел включен и остров на Волге. При распределении губерний значительная часть надела Сарепты оказалась в Астраханской губернии (2736 дес.), но поселение находится в Саратовской губернии.

Осенью же братья распланировали усадьбу колонии, устроили запруду на Сарпе, выезд с Волги, сделали засев озимой ржи и вспахали несколько десятин степи для ярового посева. В следующие три года появлялись новые транспорты колонистов, и к 1769 г. население колонии состояло уже из 200 душ обоего пола. За это время новое поселение, получившее от дирекции название Сарепты, обустроивалось сообща, всеми членами общины, которые считались как бы в услужении братства, получали определенную плату и за плату, по таксе, пользовались всеми предметами необходимости, изготовленными общиной. Когда же в 1768 г. были возведены необходимые общинные и частные дома, население разместилось в них по корпорациям, причем каждая корпорация получила свое хозяйство и определенное занятие. В корпорациях было такое мастерство, как портняжное, сапожное, столярное, плотничное, кузнечное, горшечное и пекарное. Остальное население колонии занималось хозяйством, так что вся колония была занята работой. В следующем году были устроены свечной, кожевенный заводы, красильня и бойня, кондитерская с пряничным печением, а также табачная фабрика, открыты магазин и гостиница. Разведены плодовые и виноградные сады, построены пильная и мукомольная мельницы, кирпичные сараи. Для сельского хозяйства в 2-х верстах от колонии устроен фольварк с земледельческой колонией под названием Шенбрун. Из двух горных родников в Сарепту проведен водопровод: проложены деревянные трубы из одного родника на 340, а из другого — на 1300 саженей; центральный бассейн водопровода находится в центре колонии, отсюда вода поступает на улицы, во дворы, в дома и фабрики; вокруг бассейна разведен парк. В 1771 г. возведены каменные корпуса для женских корпораций, здания винокуренного завода и конюшни для откармливания скота.

Производимые Сарептой товары находили скорый и выгодный сбыт. Главными потребителями его были калмыки, прикочевавшие летом в соседние с Сарептой степи, и казаки, закупавшие товары непосредственно из магазина братства, в котором три человека едва успевали отпускать товар. Некоторые товары отправлялись для продажи в Царицын, Астрахань и даже Москву; в последнюю в 1772 г. отправили значительную партию рыбы со своих ловель, но

предприятие это не принесло пользы. Вскоре спрос на сарептские товары так увеличился, что удовлетворить его братство не имело возможности.

Сарепта составляла одну коммуну. Все постройки, фабрики, заводы и промышленные предприятия принадлежали общине, и не одной сарептской, а всему гернгутскому евангелическому братству. Члены сарептской общины были рабочими, получающими от нее в виде жалованья все необходимое на пропитание и содержание. Но увеличивавшиеся производства вскоре оказались не по силам администрации общины. Это побудило общину передать часть производства и имущества своим членам в частную собственность, с обязательством уплатить стоимость общине в рассрочку по 6% ежегодно для погашения долга казне, давшей на производства ссуду в 48 748 руб. 25 коп.

На этих основаниях были отданы приватным и корпорациям дворы и постройки, которые они занимали, и промышленные предприятия, так что в 1769 г. у коммуны оставались: магазин, табачная фабрика, свечной и кирпичный заводы, пильная и мукомольная мельницы, к которым затем присоединились гостиница, винокуренный завод и конюшни для откармливания скота, а также фольварк.

Производство так расширилось, что потребовало дополнительной рабочей силы. В качестве рабочих были приглашены колонисты немецких колоний, для которых начал возводиться целый поселок. Но на Сарепту стали надвигаться тучи, разразившиеся опустошительной бурей.

Калмыки Большой орды, с которыми сарептяне имели оживленные торговые сношения, тем не менее не признавали границ владений, травили хлебные поля и сенные покосы и рубили лес сарептян. Жалобы общины привели к тому, что хан орды дал Сарепте охранительную грамоту, хотя грамота помогала мало. Помимо калмыков, Сарепте угрожали набеги кавказских племен: кубанских татар и кабардинцев, которые в 1769 и 1771 годах доходили до окрестностей Сарепты. Немалой угрозой Сарепте были и волжские разбойники, вооруженные шайки которых почти беспрепятственно хозяйничали на Волге и грабили население, а также бродившие в Заволжье киргиз-кайсацкие барантовщики.

Такая опасность вынудила братство окопаться с трех открытых сторон глубокими рвами и обнести валом, с палисадами и 6 малыми батареями. Кроме того, из Царицына было прислано 12 орудий с прислугой, так что Сарепта представляла маленькую крепость. Содержать гарнизон этой крепости, понятно, стоило Сарепте немалых денег, но содержать его было необходимо, в чем сарептяне скоро убедились на деле. В январе 1771 г. один из дружественных сарептянам калмыцких зайсангов Малой орды предупредил их, что прибывающая из похода против кубанских татар Большая орда решила бежать в Азию и ждет только замерзания Волги, чтобы перед уходом разграбить города и селения, в том числе Сарепту. К счастью, Волга оставалась вскрытою еще в январе месяце, и орда поспешила переправиться со своим скотом вплавь. Масса скота погибла, но калмыки, разграбив селение по Ахтубе, опасаясь погони, поспешили убежать за Яик (Урал).

Уход калмыков сильно отразился на делах Сарепты, так как развившаяся с ними торговля одна была в состоянии дать Сарепте и ее промышленности достаточный доход к существованию.

Вскоре, однако, увеличивавшиеся производства Сарепты находили сбыт частью среди калмыков Малой орды и окрестных казаков, большей же частью — в Царицыне, Астрахани и Саратове. Посетивший 26 июня 1773 г. Сарепту профессор Паллас нашел ее уже обстроенной: «Лучшую и большую постройку составляет кирпичный двухэтажный молитвенный дом, с небольшой башней, в которую только что приспособили часы с боем. За этой постройкой следуют два каменных корпуса для холостых братьев и незамужних сестер, которым разрешают вступать в брак только в значительно зрелом возрасте, несмотря на то, что такое противоестественное принуждение невыгодно во всех отношениях. Приватных домов в колонии 10. Производства Сарепты хороши, но, по обыкновению других гернгутских общин, слишком дороги. В версте от колонии, на возвышенности, расположен фольварк или ферма, а в двух верстах закладывается земледельческое село под названием Шенбрун, в котором поселили 6 дворов, но которое предполагается довести до 20 дворов».

Через год мирному течению жизни Сарепты был положен конец. Разразившаяся летом 1774 г. на Волге пугачевщина не миновала и Сарепты. Мы не будем здесь повторяться и описывать ужасы нападения на Сарепту Пугачева, так как они подробно описаны нами в главе «Пугачев в колониях»; укажем лишь, что причиненный Сарепте убыток был определен особой правительственной комиссией в 67 545 руб., из коих на долю приватных пришлось около 32 500 рублей.

Когда потух мятежный пожар, все было разрушено, производства встали. Хотя Сарепте и была оказана немедленная помощь со стороны центральной дирекции и частными сборами в общинах братства для восстановления прежних общинных предприятий, но наступили сроки платежей за взятую из казны первоначальную ссуду; с другой стороны, громадный убыток приватных лишил их возможности восстановить свои дела и платить к тому же ссуду за взятые от общины постройки и предприятия.

Братству предстояла громадная работа, но центральная дирекция утешала и обещала помощь. На помощь пришло и правительство, отсрочившее ссуду еще на 10 лет, с обязательством платить затем ежегодно по 6 руб. на сто (около 3000 руб.), так что ссуда должна быть погашена в течение 17 лет. Постепенно собранные в немецких братских общинах пожертвования в 12 000 руб. были распределены безвозвратно на удовлетворение убытков между приватными, ощущавшими крайнюю нужду; зато другие пожертвования должны были поступить в пользу учреждений общины и корпораций. Для окончательного освобождения приватных от всяких обязательств братство решило взять все дома и предприятия обратно в общину и за пользование ими облагать владельцев соответствующей арендой. Путем создания общинного хозяйства сильнейшая часть населения облегчала слабейшую, так сказать, выручала ее.

В свою очередь, новая жизнь общины была обставлена новыми порядками: устройство сарептской общины решено было уподобить устройству остальных общин братства. Во главе общины поставлен высший начальник от центральной дирекции, получивший власть номинального владельца общины; его экономические функции выделены из функций местного старшины, и в его кассу поступают владельческие сборы: земельные, арендные за общинное имущество и взносы на погашение правительственной ссуды. Все сборы были строго урегулированы. Так как нынешнее население общины вновь пользуется преимуществами по освобождению от уплаты податей, решено было через 6 лет обложить всех граждан известной податью, приблизительно в размере, следуемом по закону после льготных лет, и из этой подати образовать фонд, из которого можно будет платить казенные подати за вновь прибывающих в общину братьев, дабы и они пользовались льготными годами по освобождению от податей. Из этого же фонда, в который должны поступать и отчисления от доходов промышленных предприятий, должны покрываться расходы на содержание полиции и военного гарнизона.

Местное управление колонии составляли: 1) епископ как высшее духовное лицо; 2) правление братского общества, состоящее из местного (второго) старшины или форштетера, являвшегося представителем общества в сношениях с властями и правительством и заведовавшего внутренней юрисдикцией и полицией, и из трех помощников, заведовавших разными отраслями общинной экономии, выдачей паспортов, сиротскими и наследственными делами, сбором податей и судом между членами общины — в качестве апелляционной инстанции на решения коллегий надзирателей — и членов общины с лицами посторонними — в качестве первой инстанции; 3) таким же образом были организованы управления корпоративные; 4) заседание вышеуказанных должностных лиц под председательством первого старшины составляло совет старшин; 5) для ближайшего надзора за частной жизнью братьев и для контроля корпоративных экономии имелась особая коллегия надзирателей, осуществлявшая суд и расправу между членами общины в качестве первой инстанции, но постановления эти приводились в исполнение лишь с разрешения совета старшин.

Эти должности и управления руководствовались специальными инструкциями, утвержденными общиной и центральной дирекцией и представленными в Канцелярию опекунов иностранных для сведения.

С 1775 г. община пополнилась приехавшими из-за границы новыми членами, коих к 1800 г. насчитывалось 171 человек. Помимо того, в число братства поступали и переселялись в Сарепту некоторые иностранцы — немцы Петербурга, Москвы и из поволжских немецких колонистов — всего 190 человек, так что население Сарепты к 1801 г. возросло до 501 человека.

В 1789 г. значительное количество немцев-колонистов изъявило желание вступить в братскую общину и поселиться особым селением на Чапурникской равнине, но, как заявляет хроника Сарепты, община по различным внутренним и

внешним (?) причинам отказала колонистам в этом, поселив лишь пять семейств в уже возведенные земледельческие хозяйства Шенбруна.

Прирост населения увеличил и размер поселения Сарепты, составившего правильный квадрат, расположенный у речки Сарпы, на площади, занимающей с окружающими садами 58 десятин. Прежние общинные здания, фабрики и заводы были перестроены и увеличены. К ним прибавлены новые — для новых производств: мыловаренного, ткацкого, суконного, чулочного-вязального, красильного, а также аптека с лабораторией. Пильная мельница превращена в мукомольную, построена третья водяная мельница и четвертая ветряная. Наконец, выстроен 21 дом для семейных. До 1785 г. все общинные производства были усовершенствованы и пущены в ход, а с этого времени начали давать общине значительный доход. Для усиленного производства не стало хватать рабочих рук, и из немецких колоний пришлось выписать немалое количество рабочих; кроме того, некоторые отрасли производства, такие, как прядильни и ткацкие, пришлось перевести в колонии.

Понятно, не все промышленные предприятия давали достаточный доход; мельницы, сельское хозяйство, скотоводство были малоприбыльны, но были необходимы Сарепте. Так, сеяную муку для пекарни, кондитерской и пряничного производства найти было негде: она выдывалась только на собственных мельницах.

Не меньших успехов достигли в своей деятельности и частные. Обильные фруктовые и виноградные сады, табачные плантации, культивирование шафрана, земляники, конопли и пр. давали владельцам значительные доходы. Явились золотых и часовых дел мастера, столяры, горшечники, слесари, кузнецы, переплетчики, каретные мастера, фотографы; началось тканье сарпинки, чулок и колпаков, шелковых и полшелковых платков, сукна и пр. Не было такого ремесла и производства, которое не затевалось бы в Сарепте. Здесь изготовляли: сургуч, свечи, мыло, касторовое масло, глауберову соль, магнезию, сахар из сахарного тростника, кумыс, разводили индиго, а также умели делать рояли, транспорт, который отправляли за границу и в большие города России, выращивали цветы, отлавливали насекомых, птиц и даже степных зверей для зоологического сада Москвы. Но из всех производств частных самыми полезными для страны и выгодными для самих предпринимателей оказались производство горчицы и горчичного масла и выделка сарептского бальзама.

«Отцом» горчичного производства был Конрад Нейтц, врач по профессии и временный миссионер среди калмыков. Отказавшись от своих общинных обязанностей, он сделался частным и занялся сельскохозяйственными опытами: разводил виноград, шафран, землянику, коноплю, овощи, за которые был награжден Вольно-экономическим обществом 13-ю золотыми и серебряными медалями. Однако эти предприятия были мало доходны. В 1801 году Нейтц произвел опыт над выделкой столовой горчицы на ручной мельнице из хорошо произрастающего на сарептской земле горчичного семени. Производство это получило особенную ценность вследствие удаления из горчичного семени

жировых веществ посредством прессования, придававшего продукту лучший вид и долговую сохраняемость. В 1810 году горчица Нейтца получила доступ к царскому двору, где признали ее годной (ввиду запрета ввоза таковой из Англии), весьма доброкачественной, и государь наградил Нейтца золотыми часами. Спрос на горчицу в Петербурге так возрос, что Нейтц уже не был в состоянии удовлетворить его ручным способом и устроил топчак, увеличив производство до 1000 пудов в год.

В 1815 году, после смерти Нейтца, горчичное производство перешло к его зятю Ивану Гличу, который увеличил, усовершенствовал и довел производство до цветущего состояния, вызвавшего конкурента в 1849 г. в лице нового предпринимателя Кноблоха. В 1852 г. внуки Нейтца братья Глич выстроили 4-этажный каменный завод с паровой машиной в 18 л. с. и с производством в 32 000 пудов горчичного семени, из которого выделялась сухая столовая горчица и горчичное масло. Громадный спрос на горчицу вызвало строительство в 1865 году в Сарепте парового завода Кноблоха, а затем устройство заводов в Дубовке, селе Чапурники, Царицыне и сл. Николаевской. Горчичное производство вызвало посев горчицы крестьянами Черноярского и Царевского уездов Астраханской губернии, на скудных землях которых совсем не растет пшеница, но успешно растет горчица.

В 1855 г. брат Фридрих Лангерфельд начал выделять сахар из сахарного тростника. Первоначально производство это казалось прибыльным, но вскоре Лангерфельд убедился, что местная почва и климат не благоприятствуют произрастанию тростника и, кроме того, выработка сахара ограничена временем: тростник сохраняется не более нескольких недель. Предприятие с производством сахара пришлось оставить. Однако Лангерфельд вскоре нашел более прибыльное и устойчивое дело: он открыл химическое дистилляционное дело с производством сделавшегося знаменитым сарептского бальзама и этерического горчичного масла.

Большое развитие получили виноградарство и садоводство. Сарептский виноград отличается особой сладостью, а сарептские яблоки — самые крепкие из местных сортов: «пепинка литовская», культивируемая в сарептских садах, настолько хороша, что превышала по качеству своего родоначальника и распространилась под названием — «сарептянка».

Разносторонняя деятельность Сарепты в промышленности и торговле как бы отвлекла ее от главной задачи, которую поставила себе община при водворении в Россию, а именно: от миссионерской деятельности. Первоначально миссионерство осуществлялось параллельно с торговлей. Продавая соседним калмыкам свои товары, братья как бы попутно проповедовали им учение Христа, причем им удалось даже несколько семейств обратить в христианство.

Не довольствуясь этим, община избрала трех миссионеров — Нейтца, Гамеля и Мальтша, которым поручила изучить калмыцкий язык и отправиться в орду для обращения калмыков в христианство. Однако миссионеры вскоре убедились, что их проповеди не производят впечатления, так как среди калмыков

исповедуется в основном буддизм, религия с осмысленной философией и моралью, без языческого фетишизма, в церемониях которой был полный порядок и гармония. Поэтому проповедь братьев мало влияла на калмыков, которые, не отрицая заслуг Христа, сравнивали его со своими бурханами и старались использовать миссионеров в целях лечебных; больные стекались к ним из разных мест орды и пользовались их врачебной помощью или покупали у них привезенные товары, но в христианство не переходили.

Неудача эта заставила братьев искать новую арену своей миссионерской деятельности, которая вскоре нашлась. В одном лютеранском катехизисе, в примечании, указывалось, что московский пастор Бальтазар Франк посетил в 1709 г. лютеран царств Казанского и Астраханского, а затем переехал через Каспийское море в город Терек и узнал, что потомки богемских братьев, изгнанных в 1481 г. из Венгрии и поселившихся на Кавказе, живут в трех больших селениях, всего их около 30 000 душ; называют себя чегемами (чехами), а окрестное население зовет их христианскими крестьянами. Красивые и высокие ростом, чегемы кротки и бесхитростны и потому, по восточному определению, простоваты и глупы; одеваются по-кавказски, но бреют бороды. Христианские храмы их превращены в развалины соседними черкесами, ныне они исповедуют ислам и занимаются хлебопашеством.

Эти, хотя и смутные, известия побудили братьев отправить на Кавказ экспедицию для розыска своих единоверцев и приведения их вновь в христианство. Однако две поездки братьев на Кавказ — в 1768 и 1782 г. ни к чему не привели: о потомках богемских братьев никто ничего не знал, и найти их не удалось.

Братство снова принялось распространять среди калмыков и киргизов христианство. Учрежденное в 1812 г. в России Библейское общество открыло в Сарепте отделение и поручило в 1814 г. члену братства, впоследствии академику Шмидту, перевод Нового Завета на калмыцкий язык. Это дало братьям возможность открыто выступить со своей миссией и обратить многих калмыков в христианство. Чтобы беспрестанно влиять на новокрещенцев, братство поселило часть их на своем острове на Волге, образовав миссионерскую колонию, и обратилось к правительству с просьбой разрешить соединить новокрещенцев общинами по правилам братства и продать обществу участок земли для новых общин. Однако такие решительные меры братства не устраивали правительство, и в 1822 г. Сарепте было предписано обращать калмыков по догмам православной церкви; учреждать среди калмыков собственную миссию было запрещено. Сарепта, понятно, отказалась пропагандировать среди калмыков и отозвала своих миссионеров.

Наконец, духовная пропаганда сарептян распространялась и на поволжские немецкие колонии, как уже отмечалось выше. Лютеранский сениор колонии Жаннет состоял членом братства и всячески содействовал братству в своей пропаганде «разыскания пробужденных душ и взаимного сближения их в частных кружках, не отрывая их от церкви». Во многих колониях создались братства

пиетистов, духовность которых содействовала развитию стоящих на низком уровне развития и образования колонистов. После смерти Жаннета протестантское духовенство стало враждебно относиться к пиетистам и сарептскому братству. Поэтому Сарепта должна была отказаться от внешней миссионерской деятельности и усилить просвещение у себя дома.

Сарепта всегда отличалась культурой. Поэтому одновременно с основанием ее возникли школы, в то время как в Саратове о просвещении еще и не думали.

В 1772 и 1773 годах в Сарепте были открыты две школы: одна для мальчиков, другая для девочек. В 1780 г. школа мальчиков была разделена на два класса, в старшем преподавались латинский и русский языки, история и география. В 1793 г. открыт третий класс, в программу которого входили математика и естественные науки: физика, химия, механика, ботаника; помогала библиотека; аптечная лаборатория, местные заводы и производства служили учебными пособиями. В 1787 г. была учреждена школа для взрослых юношей, занимавшихся ремеслами, для повторения того, что они прошли в первоначальной школе.

В 1797 г. учреждены две элементарные школы: одна для взрослых работников из приволжских колоний, число которых доходило до 600; другая — для детей этих работников, проживавших в Сарепте со своими семьями.

Некоторые русские помещики посылали в сарептские школы своих детей, и Сарепта предполагала даже устроить рядом со школой пансион, но здесь появились препятствия. Воспитание Сарепты носит общинный характер, что вызывало протесты православного духовенства, поэтому Сарепта, опасаясь нареканий, отказалась от приема русских в свои школы, и посылала в семьи русских помещиков воспитателей. Помещики Пазор в Протопоповке, генерал Буксгевден в Харькове, граф Капнист на Украине выписывали из Сарепты воспитателей для своих детей; даже Герцен получил первоначальное воспитание от сарептянина; возможно, взгляд Герцена на благотворительность общины был внушен ему, еще ребенку, его первым воспитателем.

Некоторые из воспитателей впоследствии сделали знаменитыми людьми. Яков Иванович Шмидт (1781-1847), состоявший миссионером среди калмыков, стал академиком как ориенталист, состоял членом Государственного Совета и составил «Тибетско-русский словарь» и «Грамматику монгольского языка». Иосиф Христианович Гамель (1788-1862) кончил Петербургскую медико-хирургическую академию и получил степень доктора медицины. Отказавшись от докторской практики, Гамель работал в Министерстве внутренних дел и был послан в 1813 г. в Англию для изучения технологии. В Лондоне он познакомился с химиком Деви и его гальванохимическими опытами и с Алленом, от которого узнал о системе обучения грамоте Ланкастера и Белла. В каменноугольных шахтах Гамель проводил опыты с лампой Деви, а в Ирландии опускался на дно моря в водолазной машине. Все полезные сведения Гамель спешил сообщать России, он хотел видеть в ней все хорошее, что было на Западе. О Ланкастерской школе Гамель написал обстоятельную книгу на немецком языке, переведенную на

русский: «Описание способа взаимного обучения по системам Ланкастера и Белла. Сочинение Гамеля. СПб., 1820». Ланкастерские школы были устроены в Перми, Вологде, Волхове, Туле, Иркутске, Риге, Ревеле, Нижнем Новгороде, Херсоне, Оренбурге, Тифлисе, Астрахани, Киеве, Кронштадте, Вильне и т. д., но под влиянием реакции во второй половине царствования Александра I были закрыты.

Организованность сарептских школ побудила управляющего Саратовской Конторы иностранных поселенцев Фрезе в 1848 г. просить общину принять в свои школы способных детей поволжских колонистов, на что община согласилась, распределив учеников по частным квартирам. Правом этим воспользовались в том же году 16 колонистских детей, в 1849-м — 32 и в 1850-м — 34. Однако отсутствие основательного изучения в сарептских школах русского языка постепенно сократило число учеников-колонистов, переходивших в русские центральные училища. Сарепта заботилась о колонистах, проживающих в ней, для них она выстроила в 1856 г. новый просторный школьный дом, устроив в нем библиотеку для чтения.

Сарепта как культурный уголок привлекала внимание высшего русского общества, постоянно покровительствовавшего общине в ее многочисленных ходатайствах перед центральной властью Петербурга. На Сарепте отдыхал глаз культурного человека, в нее стремились попасть. Побывать на Волге и не заехать в Сарепту считалось таким же прегрешением, как быть в Риме и не увидеть папы. В XVIII веке Сарепту посетили почти все сановники и высшие чины Петербурга. Такому пребыванию вскоре представился благовидный предлог, так как Сарепта внезапно сделалась великосветским курортом.

В 1775 г. сарептский врач Вир (Wier) открыл на склоне гор Ергеней на казенной земле, в 8-ми верстах от Сарепты, минеральный источник, названный впоследствии Екатерининским, который местные жители стали использовать от различных болезней. Произведенный Виром анализ воды показал, что в одном фунте ее содержится: углекислой извести — 1/18 грамма, солекислой соды — 6 1/7 грамма, углекислой магнезии — 5/8 грамма, сернокислой воды — 8 1/20 грамма, сернокислой магнезии — 7 7/8 грамма, солекислого железа — 14 7/8 грамма, земли булыжной — 3 3/4 грамма, вещества экстрактивного — 1/20 грамма. Минеральная вода оказалась полезной при лечении.

В 1776 г. находившийся здесь во время Пугачевского бунта оренбургский губернатор генерал Якоби и его жена пользовались водолечением и получили полное исцеление - один от 5-летней лихорадки, другая — от хронического расслабления. Успех создал источнику прочную славу целебного, и в следующие годы больные нахлынули в Сарепту, так что в 1796 году число больных дошло до 300. В Сарепте и у родника не хватало помещений, многим пришлось поселиться в ближайшем русском селе Отрада. В числе своих гостей Сарепта видела немало именитых: князей Владимира Орлова, брата канцлера и президента Канцелярии опекунов иностранных, Вяземского — генерал-прокурора, Голицына, Гагарина, графа Воронцова, Репнина, Нарышкина и многих других. Визиты

высокопоставленных лиц имели для Сарепты огромное значение в финансовом и моральном отношении. Знакомство с этими лицами давало покровительство и заступничество у верховной власти.

Успехи с минеральным источником побудили Сарепту использовать своих высоких покровителей для исходатайствования у казны отвода минерального родника с окружающей его степью, совершенно бездоходной для казны, для возведения соответствующих построек. Сарепта проектировала провести от родника до берега Волги парк с французскими аллеями, фонтанами, прудами, павильонами, даже с двумя часовнями — православной и лютеранской, а также летними и зимними помещениями для гостей. И действительно, по указу Павла I от 4 августа 1797 г., подтверждавшему дарованные Екатериной II привилегии, Сарепте отведен в собственность Екатерининский минеральный источник («целительный колодец») с прилегающей к нему землей около 1000 десятин.

Однако с отводом Сарепте в собственность источника счастье ей изменило: число гостей из года в год уменьшалось, а в 1801 г. был всего только один, притом последний больной, пользовавшийся водами.

Хроникер Сарепты Глич видит причины упадка курорта или в переменах врачей, или в изменении свойств воды, или же в конкуренции входивших в славу кавказских курортов. По нашему мнению, ни одно из высказанных предположений не верно. Роль врача на курорте незначительна: важны целебные источники. Свойства воды не изменились, по крайней мере до 1834 г., когда профессор Гебель произвел новый анализ вод, почти подтвердивший анализ врача Вира. Еще меньше могли конкурировать с сарептским источником кавказские курорты, так как на Кавказе совсем нет соляных источников, имеющих своих пациентов. Оборудованный же Рязано-Уральской железной дорогой в сравнительной близости от Сарепты Эльтонский соляной курорт и масса стекающих туда больных доказывают, что Кавказ не может конкурировать с нашими источниками. Причина упадка кроется глубже: не в силе источника, а в строе сарептской общины — хозяине источника.

Великосветское общество ездит на курорты не столько лечиться, сколько веселиться, прожигая бешеные деньги. Сарепта имела полную возможность удовлетворять этим потребностям: воды были целебны, община имела право курить вино, варить пиво, выделять из своего винограда отличное вино, а созданный в Сарепте план разведения парка доказывал, что некультурные в начале XIX века кавказские курорты не могли конкурировать с целительным курортом, который могла оборудовать Сарепта.

Но создать эти удобства своим гостям Сарепта не решилась, несмотря на то, что предприятие сулило высокий доход. Даже получив источник в собственность, Сарепта не только не осуществила плана разведения парка, но и вообще не создала каких-либо удобств для гостей из-за религиозного фанатизма. Религия не помешала сарептянам сделаться эгоистами. По внутреннему устройству братской общины, сарептянину нельзя ни веселиться, ни употреблять спиртных напитков сверх определенной нормы. Установив для себя такой принцип, Сарепта требует

его исполнения от всякого, кто даже случайно и временно попал в ее среду, совершенно не считаясь с иной моралью и привычками. Поэтому посетитель гостиницы в Сарепте может получить лишь определенное количество напитков и провизии и должен строго подчиняться установленным порядкам, даже если он не нарушает тишины и спокойствия. Ограниченные такими узкими рамками, привыкшие к простору, великосветские курортные гости не принимали требования Сарепты, и не только не появлялись там вторично, но и не советовали другим.

Как и следовало ожидать, эгоизм и изолированность Сарепты загубили не только ее промышленность и торговлю, но и саму религиозную общину. Мы опускаем из перечня событий ряд несчастий, постигших Сарепту, таких, как Пугачевский бунт, пожары 1803, 1812 и 1823 годов, из которых последний поглотил почти всю Сарепту, так как после каждого несчастья Сарепта получала щедрые пособия от казны и главным образом от Бертельсдорфской общины-матери. Остановимся на промышленно-торговой деятельности и внутренней жизни Сарепты.

Несмотря на технические знания, Сарепта не умеет и не желает конкурировать, так как, уверовав в свой авторитет, не живет потребностями времени. Мы уже указывали, что нет почти производства, которое не начиналось бы в Сарепте и не давало бы ей первоначально значительный доход. Производства ее солидны, но цены чрезвычайно высоки, так что поволжские колонисты при всякой чрезмерной цене на какой-либо товар употребляют вместо выражения «не купишь» поговорку «это Сарепта». И действительно, как только производство Сарепты вырабатывается на стороне, так Сарепта уже не может конкурировать и должна отказаться от производства. Например, саратовские колонисты совершенно отняли у Сарепты «сарпинку», оставив вырабатываемой ими бумажной ткани лишь историческое название. Конкуренция началась в самой общине, которая постепенно должна была передать свои общинные производства в руки частных, сохранив за собой те из них, которые составляли привилегию общины: производства табачное и винокурное, освобожденные от акциза. С введением последнего в 1863 г. община вынуждена была отказаться и от этих производств и тем самым отказаться от коммунального принципа собственности, который был принесен в Гернгут богемскими братьями и был положен в основу братской общины.

Однако и частные со своим религиозным консерватизмом не могли выдержать конкуренции вне Сарепты, так как производства их постепенно совершенствовались и удешевлялись колонистами и другими предпринимателями. Даже горчичное производство Сарепты, требующее научных знаний, — химии и математики — и долго составлявшее секрет семьи Глич, нашло конкуренцию в лице колонистов Миллера и Ваага в Дубовке, купцов Миллера и Воронина в Царицыне и Шелекеты в сл. Николаевской. Если в Сарепте и продолжают работать горчичные заводы, то лишь потому, что владельцы их до возникновения конкуренции нажили громадные капиталы, которые и вложены в

производство и которые, вероятно, во всяком другом предприятии дали бы больший доход, чем в производстве горчицы.

При всем том мы далеки от мысли упрекать Сарепту в том, что она не исполнила своего исторического предназначения. Она была оазисом в пустыне и благодаря своим знаниям и труду внесла немало культуры в Нижнее и Среднее Поволжье. Интеллигентные и образованные русские люди, попадавшие в Сарепту, давали о ней самые восторженные отзывы и в собраниях, и в печати. Писатель Измайлов, посетивший Сарепту в 1802 году, в своем сочинении «Путешествие в полуденную Россию» так описывает свои впечатления:

«Торжество человеческих обществ есть, конечно, общество Евангелистическое, братья которого поселились у нас на берегах Сарпы. Гуляю в убежище новых Евангелистов, собираю приятные впечатления и радуюсь на гражданский и нравственный порядок колонии... Вообразите себе посреди диких пустынь веселый городок, украшенный не великолепными, но приятными зданиями с малым числом людей, живущих без излишности, но и без недостатков; счастливых не блеском просвещения, но простотой нравов; занятых не важными науками, но полезными ремеслами; вообразите себе уединенное убежище, где укываются добродетели, изгнанные в мире, где художества блестят на троне; где семейство людей есть семейство братии: такова Сарепта... Пойдите по улицам, и вы встретите на каждом шагу хозяйство трудолюбия и любовь к порядку и тишине. Спокойство в домах, чистота даже на улицах, простота и опрятность в одежде каждого, выражение сердца на всех лицах. Таким, как идет здесь каждый колонист, надобно вообразать себе истинно счастливого человека. Такою, как видишь здесь каждую сестру за рукоделием в легком корсете, одним простым чепчиком на голове, подвязанным ленточкой под шею и с ангельским взглядом невинности, вообразал я всегда ту женщину, с которой хотел бы разделить мое сердце, жизнь и уединение...» Измайлов описывает день сарептянина: «Настал час утра. Братья и сестры в молчании и смирении приближаются к дому молитвы, которого величество состоит в простоте и все украшение в одном образе Законодателя Христиан. Мужчины садятся внизу, женщины вверху, особливом отделении, и один из них начинает читать нравоучительные главы из Библии. С первым словом, с первым именем Бога, произнесенным языком проповедника, глубокое чувство воцаряется во всех сердцах, тишина в храме, благоговение на лицах. Кажется, что Божество нисходит к смертным. Стою в храме, внимаю великим истинам, возвещаемым именем Бога, и сам преклоняю колена. Между тем чтение пресекает хор мужчин, вместе с женскими голосами, поет небесные гимны, и ангельская гармония переселяет, кажется, человека на небо. Молитва кончается, и все возвращаются в дома свои к рукоделию, работам и должностям. Надзиратель идет пещись об общем порядке; мать семейства приправляет чадолюбивой рукой обеденное кушание; ремесленник работает для удовольствия и для потребности: каждый платит долг общежитию, трудится и покупает пропитание трудами рук своих». Продолжая описывать в тех же восторженных выражениях остальную часть дня, Измайлов заканчивает: «Так гернгутеры проводят день свой; так они проводят и всю жизнь

свою. Так хотел бы прожить хоть несколько минут живущий на театре шумного света, незнакомый никогда с теми тихими движениями, которые посещают сердца сих людей».

В таких же или подобных выражениях восторга описывают Сарепту и многие другие ее посетители из вынесенных ими случайных и кратковременных впечатлений. Сарептой интересовались не одни праздные путешественники, но и ученые. В XVIII веке Сарепта видела у себя профессоров Гильденштедта, Гмелина, Палласа, Георги, Ловица; в XIX веке — Александра Гумбольта, профессора Эренберга, Розе, Паррота, Гебеля, Эверсмана, Бунге, Клауса, этимолога Киндермана, орнитолога Северцева, академика Берга, доктора Ауербаха. Здесь жил несколько лет до своего назначения епископом Игнатий Фесслер, наездом — епископ Губер. Сарепту посещали и члены царской фамилии: в 1862 г. — принц Петр Ольденбургский, в 1863 г. — государыня Мария Александровна и наследник цесаревич Николай Александрович. Коммунистическая община Сарепты всегда особенно оттеняла свою лояльность и свой монархический образ мыслей, поэтому посещения членов царской фамилии Сарепта обставляла очень торжественно; свите высоких гостей оказывалось всякое угождение, и после каждого такого посещения появлялось описание Сарепты в измайловском восторженном тоне. Посещение Сарепты наследником цесаревичем Николаем Александровичем, умершим до вступления на престол, описано в брошюре «Известие о пребывании Наследника цесаревича Николая Александровича в Сарепте 23 июня 1863 г.», отпечатанного Сарептою в виде манускрипта, и в книге Победоносцева и Бабста «Письма о путешествии Наследника по России» (М., 1864), а также в корреспонденции профессора Бабста в «Московских ведомостях». Полемизируя с теми противниками Сарепты, которые не могут примириться с мыслью, что горсть немцев проживает среди русского населения и на русской земле, не вступая в органическую связь со страной, Бабст говорит: «Пусть сарептяне гости в стране: мы их вызвали и приняли таковыми и создали особое управление, по которому они являются только гостями и составляют обособленную организацию. Возможно, что эти гости не принимают прямого участия в нашей экономической жизни, но они и не относятся к ней враждебно, и этого уже достаточно для данного времени. Они пришли к нам в дом, никого из него не вытесняя; они заняли пустынный угол, который, по всей вероятности, остался бы пустынным до сей поры. Если они поэтому основали у нас в пустыне цветущее поселение и сохраняют его до сих пор в цветущем состоянии, то мы должны этому только радоваться...»

С таким отзывом профессора Бабста нельзя не согласиться. Но взгляд этот верен лишь до тех пор, пока Сарепта представлялась исключительным явлением, пока она являлась распространителем культуры в некультурной стране. С тех пор как Россия с отменой крепостного права стала на путь экономического и гражданского прогресса, Сарепта оказалась старым пережитком, анахронизмом, аномалией; она не могла даже внутри себя остаться в том виде, как она пришла к нам из Гернгута; она должна была постепенно видоизмениться и приспособиться к иной, новой жизни.

Общинный строй Сарепты, порабощающий личность и препятствующий индивидуальному развитию отдельных своих членов, вызывал еще в конце XVIII века протесты членов общины, не выносивших установленного режима и уходивших из общины. Вот что по этому поводу пишет правоверный общинник-хроникер Сарепты Глич на стр. 152 своего труда:

«Дух и характер нашей общины в тогдaшнее время (конец XVIII века) был серьезный, далекий от вздоров и удовольствий: взор был устремлен к небесной цели, и все были проникнуты желанием избегать не только вредного, но и ненужного... При всем том основательному знатоку человеческого рода не может показаться странным, но вполне естественным, что некоторые члены общины отступали от указанного духа и характера и впадали во всякого рода прегрешения, стремления к удобствам, в плотские похоти, капризы и неповиновения. Но именно тут-то Сарепта и показала себя как братская община, которая не относится ни равнодушно, ни с добродетельно-гордым фарисейством к грехам, а рассматривает их с душевным прискорбием как досадное явление. Духовные руководители общины применяли христианские меры воздействия к слабым душам с поразительным терпением, а к грешникам, соблазнителям и возмутителям — со всей строгостью. Последствием этого было то, что особенно неисправимые души или сами уходили от нас, или удалялись нами из общины в силу предоставленного нам на то права. Число таких лиц было временами и не так ничтожно».

Судьба изгнанников постигла двух сыновей общинника Иоганна Конрада Талера, который в своих мемуарах так отзывается о детях: «Два старших моих сына, испорченность которых причинила мне и моей покойной жене много горя, находятся со своими семьями: Фридрих в Лесном Карамыше, Христиан в г. Саратове». Первый из них сделался педагогом, второй — чиновником Конторы опекунов иностранных. (Внук Фридриха Талера — Самуил Федорович был учителем Лесно-Карамышского центрального и камышинского Пушкинского училищ, а другой — Федор состоял учителем самарской гимназии; сын Христиана Талера — Самуил Христианович несколько десятилетий состоял членом Конторы иностранных поселенцев, а сын последнего — весьма опытный врач, жил в Голом Карамыше).

Многие члены общины стали явно сознавать, что сосредоточение власти духовной и гражданской в лице духовного наставника нецелесообразно. В управлении северных немецких колонистов этого избегали, совершенно лишая духовенство права вмешиваться в гражданское управление. Поэтому после смерти в 1834 г. духовного наставника Лангерфельда община решила отделить церковную общину от гражданского общества и избрать старшиной светского члена общества. Порядок этот в 1836 году получил санкцию гернгутского синодального собрания, хотя по ст. 489 Устава о колониях, изданного в 1857 г., правление общества продолжает состоять из двух начальников. Только по высочайше утвержденным 6 июня 1877 г. правилам об общественном устройстве и управлении общины селения Сарепты, волостное правление Сарепты состоит из

одного старшины, трех заседателей — по выбору схода и юстициара. Вместе с тем братская община (в немецком языке духовная община и гражданское общество различаются) по внутренним своим религиозно-общинным и церковно-училищным делам находится в ведении первого духовного лица, утвержденного в должности министром внутренних дел.

Однако допущенное в редакции закона ошибочное название общины обществом имело роковые последствия для братской общины и послужило причиной ее гибели. С течением времени, а именно с изданием правил от 1 июня 1877 г., изменивших общественный строй и управление Сарепты, в число членов общества вступали лица, не принадлежавшие к братской общине, а некоторые члены общины, вследствие браков с лютеранками, исключались общиной или сами выходили из нее и переходили в лютеранство. Таким образом, уже в конце 70-х годов в сарептском сельском обществе появились члены двух религиозных толков, которые, в силу ошибочного редактирования 2 ст. правил об устройстве Сарепты, состояли в ведении одного первенствующего духовного лица гернгутской братской общины, назначавшегося центральной властью Бертельсдорфа. Вынужденное подчинение лютеран духовному лицу иной конфессии, ведавшему их религиозно-общинными и церковно-училищными делами, не могло не вызвать в обществе массы конфликтов между членами различных верований. Члены братства, ссылаясь на данные им привилегии, еще не отмененные законом, считали Сарепту частью всей гернгутской общины с центральным управлением Бертельсдорфа, а общинное имущество Сарепты, совпадавшее с имуществом общества, — собственностью всего евангелистического братского союза.

Подобный взгляд на общественное имущество, понятно, не разделялся членами общества, не принадлежавшими к братской общине: они утверждали, что имущество Сарепты, находящееся в пределах России, составляет собственность сарептского общества; ибо та часть сарептского населения, которая не принадлежит к братской общине и не имеет, следовательно, права общего владения на имущество общины за пределами России: в Бертельсдорфе, Америке и пр., — не может быть лишена своего права на имущество Сарепты, в пределах его общества в России. Иное толкование создало бы юридический абсурд, по которому одни члены сарептского общества имеют собственность только потому, что они принадлежат к братству, как бы в премию за эту принадлежность; другие же, несущие одинаковые с первыми обязанности и повинности, но к братству не принадлежащие, прав на имущество не имеют.

Пока спор этот оставался в области академической, он не возбуждал особых трений между спорящими; но когда братья начали реально осуществлять свое толкование, в обществе разразился скандал. В 1889 г. центральное управление Бертельсдорфа, на основании синодального постановления, поручило своему сарептскому агенту, волостному старшине продать принадлежащий Сарепте в Петербурге дом и дачу. Старшина, с одобрения сарептского «церковного конвента», продал дачу за 17 000 руб. и перевел эти деньги в Бертельсдорф,

продажу же дома он признал пока невыгодной, так как предложенная за него цена в 130 000 руб. признана была низкой.

Недовольные распоряжением общественным имуществом, члены общества, не принадлежащие к братству и называемые колонистами в отличие от членов общины, подали жалобу Царицынскому уездному по крестьянским делам присутствию, которое жалобу предложило на обсуждение сарептского схода. Однако сход, на котором члены братства составляли подавляющее большинство, не только санкционировал действия старшины, но и дал ему новое полномочие на продажу дома в Петербурге и всех общественных домов в Сарепте, среди которых были: дома общежитий, школ, гостиница, булочная, кожевенный завод, дом пастора, дом агентства, в котором помещалось волостное правление, и пр.

Прискорбный факт этот получил широкую огласку в столичной печати (Неделя, 1890, № 48, 52; 1891, № 12, 29). Официальным сходам обычно предшествовали частные собрания братьев, на которых руководители братства, ссылаясь на свое право, утверждали, что только синодальное собрание братства вправе распоряжаться имуществом Сарепты, исполнительным органом которого является старшина и церковный совет; если община откажется исполнить требование синодального собрания, то будут отозваны центральным управлением братства содержимые на его средства агент (старшина правления), духовные старшины и учителя, а Сарепта будет отрешена от «евангелистического братского союза».

В свою очередь, и колонисты (необщинники) Сарепты, по-видимому, незнакомые с историческим законодательством, возмущались: «Неужели за 130 лет своего существования сарептское общество не приобрело себе даже дома для волостного правления? Где же эти капиталы, на которые велась торговля в Петербурге, Москве, Астрахани и Сарепте? Если сарептское общество до сих пор ничего своего не имеет, то не выходит ли из этого, что привилегией, которой пользовались сарептяне более 100 лет и на основании которой они по всей России торговали беспошлинно, пользовалось только заграничное общество?».

В спор вмешались административная уездная и губернская власти, ставшие явно на сторону «колонистов» и сделавшие в этом смысле представление в Петербург. И Петербург одним росчерком пера разрешил этот сложный вопрос в пользу «колонистов»: признав братскую общину поглощенной административным (политическим) обществом, правительство предписало все капиталы и имущество братской общины передать в полную собственность и распоряжение сарептского общественного управления, которое должно подчиняться действию Общего Положения о крестьянах, на основаниях и в порядке общих Правил об устройстве поселян-собственников, бывших колонистов. Бертельсдорф реагировал на это распоряжение правительства отрешением Сарепты от братского союза и отозвал из нее своих духовных проповедников. Тогда Сарепта решила присоединиться к лютеранской церкви в виде собственного прихода, что и было разрешено. Указом от 2 декабря 1893 г. были отменены, за упразднением братской общины, ст. 1087-1089 Устава

иностранных исповеданий, предоставлявшие сарептскому братству свободу в отправлении веры, право строить церкви, заводить училища и «особые дома для содержания в них не только детей, но и взрослых», и разрешено бывшим членам братской общины присоединиться к союзу лютеранской церкви в России, с подчинением прихода Московской евангелическо-лютеранской консистории. Позже, в 1904 г., сарептский приход причислен к пробстскому округу нагорной стороны Волги.

Таким образом, Сарепта была в административном и церковном управлении уравнена с немецкими селениями Поволжья и, подобно последним, никакими привилегиями более не пользовалась; напротив, немецкие селения Поволжья были ограничены в некоторых правах в сравнении с остальным крестьянством страны. Мы уже не касаемся тех ограничений, которые были применены к немецким колонистам во время войны 1914 года, по законам от 2 февраля и 13 декабря 1915 года, изданным в порядке 87 ст., так как эти законы продиктованы не разумом законодателя, а иными побуждениями...

В заключение мы считаем необходимым высказать свое отношение к отмене дарованных Екатериной II колонистам, и Сарепте в частности, привилегий. Вопрос этот вызывал самые разнообразные мнения. Заграничная печать относилась к этой отмене в большинстве случаев отрицательно; лютеранское духовенство России усмотрело в этом даже насилие (Евангелическо-лютеранские общества в России. СПб., 1909); русская интеллигенция приняла этот акт равнодушно, а реакционные элементы, претендующие быть истинными патриотами, — со злорадством и добились впоследствии некоторых ограничений в правах колонистов. Отмена колониетских привилегий обсуждалась обыкновенно с двух сторон — юридической и этической:

- 1) допустима ли юридически отмена акта самодержавной власти?
- 2) соответствует ли государственному достоинству великой державы лишать часть своих граждан привилегий, дарованных им при вызове их из-за границы и поселении у себя.

Неограниченный самодержавный монарх издает законы по собственному произволу, поэтому все издаваемые им акты, независимо от их содержания, имеют юридическую силу. Но все законы имеют силу лишь до замены одного самодержавного монарха другим; иначе, если бы законы одного монарха были обязательны для его преемника, тем самым ограничивалась бы самодержавная власть нового монарха. Таким образом, юридическая сила и обязательность каждого закона, каждой привилегии ограничены жизнью одного монарха; лишь только на его смену появляется другой самодержец, прежние законы и всякого рода торжественные обещания нуждаются в подкреплении и санкции неограниченного в своей власти монарха.

Так смотрела на свои привилегии, данные Екатериной II, и колония Сарепта. Когда в 1797 г. вступил на престол Павел I, Сарепта поручила своему агенту в Петербурге исходатайствовать новую конфирмацию прав и привилегий

общины; с таким же ходатайством она обращалась к монархам и в каждое новое царствование: в 1801, 1826, 1856 годах.

Еще менее возражений может встретить вопрос об отмене привилегий с этической стороны. Никакой закон, никакая привилегия не может существовать без ограничения во времени: ни прогресс, ни простая эволюция без этого немислимы. Даваемая государством привилегия не есть в сущности дар, как ее называют обыкновенно в законодательных актах: это есть компенсация, премия за ту пользу, которую ожидает от «одаренного» государство. Екатерина II, населяя колонистов, «чаяла в том пользу всем своим верноподданным». Допуская гернгутских братьев селиться на привилегированных основаниях в Поволжье, принимали во внимание «будущую пользу для государства от мануфактур и фабрик, и чаемое от сих искусных людей поправление коммерции через Каспийское море». Даже крепостное право вводилось «в чаянии» государственной пользы.

Но каждому фрукту свой сезон: любая разумная мера и благодетельный закон отживают свое время и перестают быть полезными. Отсюда вывод: все отжившее свое время необходимо упразднить и заменить более жизненным. Понятно, такая ломка встречает массу препятствий; «одаренные» не желают выходить из своего привилегированного положения, уже мешающего другим, и цепляются за свои былые права. Однако государство не может и не должно считаться с такими препятствиями и позволять части граждан создавать свое благополучие за счет других, и должно это делать именно по соображениям этическим. Поэтому позорно возражение помещика против отпуска «на волю» крепостного крестьянина, на которого он имел законное право. Точно так же было бы странно, если бы колонисты возражали против подчинения их всеобщей воинской повинности только потому, что они были освобождены от нее по данной им Екатериной II привилегии.

К чести колонистов нужно сказать, что отмену привилегий и уравнение их в правах с крестьянским населением они встретили не только спокойно, но и с осознанием справедливости этой меры.

В «Памятной книжке Саратовской губернии на 1872 год» помещены три корреспонденции «Саратовского листка» о передаче особой губернской комиссией колонистов из ведения Конторы иностранных поселенцев в общие губернские учреждения и преобразовании окружных приказов в волостные правления. «По окончательном открытии всех волостей, — говорится на с. 150, — г. начальник губернии М.Н. Галкин-Враский, желая осмотреть образованные волости и убедиться лично — насколько удовлетворительно устроено новое дело и насколько освоились с ним местные жители, предпринял 24 сентября поездку по колониям, в которых открыты комиссией волостные правления. Желая при таком удобном случае выразить свою благодарность по поводу перехода в ведение общих учреждений новому начальнику, поселяне-собственники сходились толпами для приветствия, и при этом не было принесено ни одной жалобы, не было замечено ни малейшего недовольства или недоразумения, так обыкновенно

проявляющихся при коренном изменении общественного устройства. Факт замечательный и в высшей степени интересный, заставляющий вдуматься в него глубже, чтобы уяснить себе это довольство бывших колонистов настоящим устройством их быта».

Мы объясняем довольство это прежде всего сознанием колонистами важности события: пора жить наравне с остальными гражданами страны. С другой стороны, как уже читатель знает, прежнее попечительное управление колонистов не было таким уж хорошим, чтобы жалеть о нем. По этому попечительному управлению, как и по введенному у них впоследствии попечительству земских начальников, колонисты убедились, что легче ходить на собственных слабых ногах, чем на хороших ходулях. Да и Сарепта задыхалась своими привилегиями, которые постепенно становились ей не только ненужными, но и нежелательными. Только старые консерваторы вздыхают о прошлом...

Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000, с. 430-466.